
1987 год. Центр Новоречинска

РАЗБОРКИ

—Что это за тарантайка, Нес? — Горшаков похлопал ладонью по дерматиновому сиденью и после этого полез в карман широких штанов за пачкой «Беломора». — Где ты вообще откопал такую колымагу?

Сидящий за рулем старенькой, обшарпанной «копейки», бог знает какого года выпуска, Нестор Шумский простуженно шмыгнул носом. Он старался ни на секунду не отрывать глаз от дороги, пристально наблюдая за действиями других водителей и обращая повышенное внимание на придорожные знаки. Ни Кулагин, ни Горшаков никогда прежде не видели на лице товарища столь сосредоточенного выражения.

— У отчима отжал, — не поворачивая головы, ответил Шумский. — Он, козел, набухался под завязку и рубанулся уже часов в шесть. Ну а я думаю, чего тачке бесхозной стоять? Для нашего мероприятия она подойдет как нельзя кстати. На машине-то солиднее получится. Подрулим, как деловые, и за жабры этих засранцев!..

— Херня! — Горшаков выудил из пачки папиросу, приоткрыл боковое окно и ссыпал из штакетины половину табака. Луна бликами отражалась на его большом носе. — Для солидности и тачка нужна солидная, Нес. А не лишь бы какое дерьмо. Никто на такую откровенную лажу не купится.

— Посмотрим, — буркнул себе под нос Шумский.

Расположившийся на переднем сиденье Кулагин

участия в их словесной перепалке не принимал. Леонид сейчас волновало только то, чтобы Айран с друзьями оказались на месте и им не пришлось разыскивать недругов по всем значным точкам района. Как правило, Айран не изменял своим привычкам. Эти обдолбанные байкеры никогда не трогаются с места, пока не накачают себя до нужного предела. Время еще позволяло надеяться на то, чтобы застать их на Коломенской, в глухой подворотне. Лучшего места для спланированной Кулагиным акции и придумать было нельзя. Тихо, темно, безлюдно...

— А у тебя права-то есть, Шумахер? — не унимался Горшаков.

Артем неторопливо сыпал оставшийся в папиресе табак в небольшой бумажный пакетик и двумя пальцами смешал его с анашой, стараясь не уронить ни на пол, ни на сиденье ни одной драгоценной крошки. Завершив все предварительные манипуляции, он стал набивать получившейся смесью косяк. Руки Горшакова работали ловко и сноровисто. Чувствовался немалый опыт в этом деле.

— Ты что, мент? — лениво отозвался Шумский. — На кой хрен тебе мои права?

— Я просто спросил.

Нестор промолчал. Заложив лихой поворот, он выехал на Коломенскую. До байкеровской точки оставалось не более трех кварталов. Кулагин напрягся. Сегодня нужно было закрыть вопрос с Айраном раз и навсегда. Чего бы это им ни стоило. Избитый вчера вечером Лебедев, встреченный «вокзальными» в момент романтического рандеву с молодой дамой и в итоге оказавшийся на больничной койке, стал так называемой последней каплей, переполнившей чашу терпения. Айран с друзьями не пощадили даже девушку. А Лебедев даже толком не смог сказать Кулагину, сколько было этих ковбоев. Пять? Шесть? Что он один мог сделать против

такой мощной кодлы? У Ромы даже кнопаря с собой не оказалось. Планы на вечер у него были куда более прозаические... Кулагин сжал кулаки. Невольно в памяти всплыла трагедия, которую и сам Леонид помнил лишь по рассказам очевидцев. Его родители стали жертвой вот такого же, как и произошедшее с Лебедевым, уличного нападения со стороны какой-то пьяной, разнузданной компании. Только закончилось то нападение не так тривиально. Отец Кулагина, пытавшийся противостоять уличной банде, погиб сразу от ножевого ранения в грудь, а мать скончалась позже, в больнице. Причиной ее смерти стали множественные разрывы внутренних органов. Бабушка, на руках которой тогда и остался трехгодовалый Леня Кулагин и которая воспитывала его в дальнейшем на протяжении семнадцати лет, пока ее саму не свел в могилу рак легких, наверняка умолчала о многих неприятных подробностях. Впрочем, Кулагин и не выспрашивал. Для него и так все было предельно ясно. И в первую очередь тот факт, что ужасный инцидент с его родителями незримо predetermined дальнейшую судьбу самого Леонида...

— Если они будут на месте, — негромко произнес он, — говорить буду я. Может, удастся разрешить дело по-мирному...

— Сомневаюсь, — ухмыльнулся Горшаков. — Но тебе идет быть идеалистом.

По салону быстро распространился запах анаши от раскуренной им сигареты. Кулагин разогнал рукой густой сизый смог.

— В любом случае без моей команды ничего не предпринимать, — жестко отчеканил он и, слегка повернув голову влево, уточнил: — Ты меня понял, Нес?

— Базара нет.

— В прошлый раз ты говорил то же самое, — напомнил Кулагин.

— Меня спровоцировали. Ты же знаешь...

— Да, знаю. Поэтому и предупреждаю. На провокации не поддаваться, вести себя спокойно и ждать сигнала.

— Да я понял, понял, Леня. Не заводись.

— Артем? — Кулагин повернулся назад.

— Заметано, — Горшаков расплылся в самодовольной улыбке.

«Копейка» свернула во двор, и конусообразный свет галогеновых фар тут же выхватил из темноты четверых стоящих друг рядом с другом байков. Чуть поодаль, у скамейки, топталось четверо парней в черных кожаных куртках с отороченными мехом воротниками. Шумский остановил машину. Кулагин первым покинул салон. За ним последовал Горшаков.

— Смотрите, кто к нам пожаловал, братва! — От компании байкеров отделился низкорослый коренастый парнишка с большими, навывкате, как у рыбы, глазами. — Кулагин? Как же так? Неужели мамочка отпускает тебя гулять так поздно? Да еще в такой плохой компании? Салют, Горшок! Тебя уже выпустили из наркологического центра?

Шутки предводителя вызвали дружный смех в стане его приспешников. Трое друзей Айрана тоже двинулись вперед.

— Выпустили, — взгляд Горшакова застекленел. — Просили освободить местечко для тебя, Айран.

— Хорошая попытка пошутить, Горшок. Жаль, что с юмором у тебя совсем туго.

— Привет, Айран, — Кулагин вплотную приблизился к лидеру вокзальной группировки. — Надо потолковать. Надеюсь, ты догадываешься, о чем.

— О вашей девочке, которой мы вчера пошупали почки?

— Не только о ней. Но и о Роме.

— Я о нем и говорил!

Дружки Айрана вновь засмеялись. Кулагин усилием

воли заставил себя остаться спокойным и невозмутимым. Позади него хлопнула дверца автомобиля, и в свет фар шагнул Шумский. Обе его руки были засунуты в карманы, и это обстоятельство невольно заставило Леонида нахмуриться.

— Нестор! И ты здесь! — пьяно воскликнул один из соратников Айрана, высокий и худой, как жердь, молодой человек, отмеченный небольшим шрамом на правой щеке. — Все еще подсасываешь Кулагину, петушила?

— Че ты сказал? — Шумский быстро прошел вперед.

Леонид вскинул правую руку вверх:

— Постой, Нес!

— Вот-вот, — все с той же интонацией подхватил худощавый. — Постой, Нес, и послушай, как разговаривают пацаны. Тебе, петуху, скажут, когда можно будет поработать ртом.

Только потом Кулагин понял, что, будь он порасторопнее и не так глубоко сосредоточен на собственных размышлениях, трагедии, может, и удалось бы избежать. Но кульминационный момент он проморгал. Безбожно проморгал.

Шумский буквально вынырнул у него из-за спины с необычной для него реакцией и вплотную сошелся с худощавым байкером. Их тела соприкоснулись, а уже через секунду, когда Нестор так же резко отскочил назад, Леонид заметил у него в правой руке тонкий, остро заточенный стилет. С обнаженного лезвия сорвалось две-три капли алой крови и упали на свежесорванный снег. Худощавый, схватившись двумя руками за живот, стал медленно оседать на землю.

— Бля... — Горшаков быстрым движением отшвырнул в сторону недобитый косяк.

Реакция байкеров тоже не заставила себя ждать. Кулагин нырнул вниз, уходя от просвистевшего у него прямо над головой мощного кулака Айрана. Тут же нанес ответный удар тычком в солнечное сплетение. Айран

вынужденно отступил, но слева на Леонида кинулся еще один парень. В лунном свете блеснул клинок. Кулагин ловко уклонился, перехватил руку противника за запястье и взял ее на излом. Нож выскользнул из пальцев, но сам байкер, изловчившись, ударил Кулагина ногой под колено. Леонид выпустил его из захвата. Айран прыгнул вперед, как пантера, и сбил Кулагина с ног. Они оба покатались по снегу.

— Ну все, суки! Приплыли!

Горшаков угрожающе двинулся на последнего из четверки байкеров, попутно насаживая на пальцы правой руки мощный ребристый кастет. Парень в кожанке мгновенно принял боевую стойку. Расстегнув куртку, он выудил из-под нее средней длины велосипедную цепь. Взмахнул ею над головой, со свистом рассекая морозный воздух.

Парень, ударивший Кулагина в колено, склонился за оброненным ножом, но Шумский, казалось, только и ждал этого подходящего момента. Он кинулся ему на спину, и окровавленный стилет вошел байкеру между лопаток так же легко, как столовый нож входит в сливочное масло. Парень рухнул лицом вниз. Шумский не удержал равновесие и повалился на него сверху...

Кулагин тем временем пытался высвободиться из-под придавившего его к земле Айрана. Главарь вокзальной группировки, держа одной рукой Леонида за горло, дважды ударил своего противника кулаком по лицу. Кулагин почувствовал на зубах металлический привкус крови. Разведя руки в стороны, он резко сомкнул их и что было сил нанес Айрану двойной удар по ребрам. Воздух со свистом вылетел изо рта неприятеля. Хватка на горле ослабла. Кулагин толкнул его от себя, подцепил коленом в пах и тут же врезался лбом в переносицу Айрана. Байкер с глухим стоном свалился с него. Кулагин откатился в сторону и проворно поднялся на ноги. Осмотрелся.

Шумский, тяжело дыша, слезал с поверженного им противника всего в двух шагах от Леонида. Горшаков наступал на своего визави, ловко уворачиваясь от взмахов велосипедной цепи. Никто из них пока не нанес другому ни единого удара. Айран стал подниматься на ноги...

— Какого хрена, Нес?! — Кулагин был в бешенстве. — Ты в своем уме? Я ведь сказал тебе!..

Окончания фразы так и не последовало. Свет фар ослепил Леонида, и он инстинктивно вскинул вверх руку, прикрывая лицо. Однако машинально успел отметить при этом, что вслед за первой машиной во дворик въехала еще одна. Захлопали дверцы.

— Менты! — донесся до Кулагина выкрик Горшакова. — Валим, пацаны!

— Стоять! Всем лечь на снег!

Леонид опустил руку. Прямо на него смотрело дуло автомата. Предпринимать какие-либо попытки к сопротивлению было бесполезно. Кулагин покорно опустился на землю и сложил ладони на затылке. Вот влип! И что же теперь?

Короткая автоматная очередь заставила Кулагина слегка повернуть голову. Горшаков пытался бежать. Куда угодили выпущенные кем-то из ментов пули, Кулагин видеть не мог, зато отлично видел, как Артем, словно споткнувшись, упал лицом вниз. Леонид скрипнул зубами.

— Я сказал, стоять! — повторился грозный окрик.

Еще одна очередь скосила недавнего противника Горшакова. Звякнула оброненная велосипедная цепь. Кулагин повернул голову в другую сторону. Айран так же, как и он сам, покорно лежал на снегу. Рядом с ним мужчина в форме закручивал за спину руки Шумскому. Лицо Нестора было в крови, но даже при свете луны Кулагин мог заметить злорадный торжествующий блеск в глазах сородника.

Леонид тяжело вздохнул.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Сергей Петрович, разрешите, я с ним сам поговорю... один на один. Можно? — Молодой человек привычным жестом поправил узелок галстука, который и без того туго стягивал воротничок белоснежной рубашки. — Думаю, мы найдем общий язык. Да, Кулагин?

Леонид оставил реплику Началова без внимания. Он тяжело дышал. Тупая боль, обручем стянувшая грудную клетку, не давала вздохнуть в полную силу. Кровь из рассеченной брови над правым глазом запеклась на лице. Под глазом обозначился огромный синяк. Припухлость под веком становилась все больше, и теперь глаз едва открывался.

Капитан Шамраев оценивающе посмотрел на сцепленные наручниками за спиной руки Кулагина, скользнул взглядом по окровавленному лицу и кивнул:

— Хорошо. Только будь внимателен. Эти отморозки могут все что угодно выкинуть.

Началов снисходительно выслушал наставления капитана и согласно кивнул:

— От меня не уйдет, Серей Петрович. Не переживайте.

Шамраев прошел через всю комнату и, взяв со стола пачку сигарет, вышел в коридор.

Как только капитан скрылся за дверью, Началов подошел к задержанному и остановился в полуметре от его стула. Он потянулся рукой к подбородку Кулагина, но остановил свое движение, не завершив его. Брезгливо отряхнул руку от воображаемой грязи.

— Ну что, отморозок? Наконец-то ты отправишься в то место, где ты и должен находиться. Я всегда знал, что ты этим закончишь. И я не ошибся. Удивляюсь, как ты столько проторчал на свободе.

Кулагин не изменил ни позы, ни направления взгляда. Голова его была слегка наклонена набок, а подбородок гордо вздернут вверх.

— Жаль, что Лиза тебя не видит сейчас с расписанной рожой. Но ничего. Твой срок ее наверняка убедит.

Леонид дернулся. Началов не мог не заметить этого.

— Семь лет, Кулагин. Я постараюсь, чтобы тебе дали все как положено. Я еще, конечно, стажер, но здесь на хорошем счету. Ко мне прислушиваются. И я кое-что значу в этой жизни. — Началов подтянул узелок галстука и повернулся к Кулагину спиной. Идеально отутюженная рубашка пропиталась потом и прилипла к лопаткам. — В отличие от тебя. Вместо того чтобы быть человеком, ты пошел неверной дорогой. Еще в школе ты вызывал у меня отвращение. Ты мог бы жить правильно, пойти на завод, например, или что-нибудь в этом роде. Но ты не стал даже пытаться. У меня всегда было предчувствие, что ты — отброс общества. И останешься на всю жизнь отбросом.

Кулагин молча поменял позу и привалился на другой бок. Его лицо исказила гримаса боли. Сломанное ребро давало о себе знать. Дышать становилось все труднее с каждой минутой. Но Кулагин старался не подавать виду.

— Что тебе надо? — процедил он сквозь зубы.

— Мне? Мне ничего не надо. Я достиг, чего хотел. Я всегда хотел попасть в органы, чтобы сажать таких отморожков, как ты. У меня все есть. — Началов сел на рабочее место капитана и положил сцепленные в замок руки на стол. — Ну что? Ты меня понял?

— Да делай ты, что хочешь, — безразлично отозвался Леонид.

— А ты мне не приказывай. Ты мне не советчик. Ты без пяти минут уголовник, Кулагин. И передачек тебе носить никто не будет. Уж я об этом позабочусь. Понял?

Началов поднялся со стула и вновь подошел к задержанному:

— Отстань от Лизы, козел! Я тебе говорю! Навсегда! Никогда больше к ней не приходи. Забудь о ней. Усек?

Кулагин поднял голову и уставился на собеседника.

— Что ты молчишь? Ты понял?

— Я не обязан тебе отвечать, — Кулагин не сводил с Началова взгляда.

— Ты ошибаешься, Кулагин. Здесь ты — преступник. А я — представитель органов правопорядка. От меня сейчас зависит, сколько тебе сидеть. Это в школе ты мог спросить меня, кто главный. Но эти времена давно прошли. И ты оказался в самом низу общества. А я выбрался. Потому что я выбрал правильную дорогу...

— Мне плевать на тебя. Ясно? — бросил сквозь зубы Леонид. — У тебя не спросил, как жить. Сам разберусь.

— Вот как! Тебе сейчас не мешало бы позаботиться о себе. Тебе грозит семь лет заключения. Я просто предупредил.

Началов вновь вернулся за стол капитана.

— Помни только одно, Кулагин: Лиза — она не для тебя, козел.

1987 год.

Комната свиданий в КПЗ

РАЗРЫВ

Лиза ждала Кулагина не больше двух минут, но они показались ей вечностью. Длинная и узкая комната для свиданий без окон напоминала вагон. Тусклая лампочка висела над привинченным к полу столом и освещала только его поверхность, оставляя углы комнаты в неприятном полумраке. Отсутствие окон, плохое освещение и запах сырости создавали впечатление, что воздух в комнате был густым и тягучим. Лиза почувствовала

приступ дурноты. Она присела на стул, стоящий у стола. Точно такой же стул стоял напротив. Подумав, что скоро на нем будет сидеть Леонид, Лиза улыбнулась и, инстинктивно желая пододвинуться ближе, сделала движение вперед. Движение вышло неловким. Стул, на котором она сидела, был намертво привинчен к полу. Лиза готова была расплакаться.

Скрип тяжелой двери, обитой железом, заставил ее вскочить с места. Звук, который раньше вызывал у нее дикое раздражение и ощущение, словно с тебя медленно снимают кожу, теперь казался ей самой приятной мелодией на свете.

В комнату вошел Кулагин. За ним следом вошел молодой полноватый сержант, лицо которого одновременно выражало недовольство, усталость и презрение. Он оценивающе посмотрел на Лизу и вяло произнес, обращаясь к Леониду:

— Проходим.

Кулагин медленно подошел к стулу и, ни разу не посмотрев на Лизу, сел, опустив голову. Сержант, напротив, не сводил с Лизы глаз. Он закрыл дверь и, улыбаясь, прислонился к стене.

Лиза чувствовала себя крайне неловко. Она иначе представляла себе встречу с Леонидом. Ей безумно хотелось обнять его, расцеловать, посмотреть ему в глаза, но то ли из-за присутствия сержанта, то ли из-за того, что Кулагин был похудевшим, небритым и уставшим, он показался Лизе каким-то чужим.

— Здравствуй, — едва слышно прошептала Лиза.

Звук собственного голоса показался ей странным и глупым. Она почувствовала слабость в ногах и, держась рукой за край стола, медленно опустилась на стул.

— Здравствуй, — не поднимая глаз, хрипло произнес Кулагин.

— Я не знала, что тебе сюда можно приносить... Леня, ты скажи, что тебе нужно... Я в следующий раз обя-

зательно... — сбиваясь, дрожащим голосом начала Лиза. Она, не отрываясь, смотрела на Кулагина, который продолжал сидеть, опустив голову. Чтобы не расплакаться, Лиза с силой сжала маленький перстенок на среднем пальце левой руки, который ей на шестнадцатилетие подарил брат. — Все, что нужно...

— Мне ничего не надо, — прервал ее Кулагин.

Он поднял голову и пристально посмотрел в глаза Лизе.

— Как? — только и смогла растерянно произнести девушка.

Взгляд Леонида ей показался холодным и колючим. Она невольно подернула плечами и еще сильнее сжала перстень.

— И вообще... Тебе не надо сюда ходить, — монотонно продолжил Кулагин.

— Не надо? Ну что ты, Леня? Ты не думай... Я, сколько надо, буду ждать. Я, если надо, за тобой...

— Не надо! — жестко проговорил Кулагин.

В эту секунду он понял, что еще немного, и Лиза расплачется. Леониду было очень тяжело, но он уже решил, что должен сказать девушке. И как бы ни развивались события дальше, на его решение это уже не повлияло бы.

— Мне ничего не нужно. И ты мне не нужна!

— Нет, Леня! Я нужна! Я люблю тебя... И ты... Ты говорил...

— Чего мужик не скажет, когда трахнуть хочет, — спокойно произнес Кулагин заученную фразу. После этого он отвел глаза в сторону и, четко выговаривая слова, словно давая указания, поучающим тоном продолжил: — Вот что, детка, иди отсюда и не возвращайся. Сможешь — прости. А лучше забудь. Лично я таких, как ты, не запоминаю. Да и помнить нечего. Ну, перепахнулись пару раз. Так ведь ты вроде и не против была. Так что не надо здесь трагедию разыгрывать.

— Разыгрывать? — повторила Лиза.

Она не могла поверить в то, что происходит. Каждую фразу Леонида она ощущала физически, как будто он избивал ее словами.

— Свидание окончено, — лениво бросил сержант.

Ему явно нравилось, как ведет себя Кулагин. Он принадлежал к той породе мужчин, которые унижение женщины считают не просто правильным, но и обязательным.

— Я же люблю тебя! — в отчаянии, понимая, что Кулагина сейчас уведут, прокричала Лиза, и слезы хлынули-таки у нее из глаз.

— «Люблю», — Кулагин усмехнулся.

Первый раз в жизни он был сам себе противен, но он должен был довести этот разговор до конца. Леонид медленно поднялся со стула и с равнодушным видом произнес:

— Это не любовь. Не дала бы мне, дала бы другому.

1987 год. Центр Новоречинска

МЕНТОВСКОЕ РАНДЕВУ

— Людочка, деточка, иди сюда, — Началов обхватил девушку за талию и привлек ее к себе.

На улице было уже темно.

— Да подожди ты! Что ты, как школьник, хватаешься за меня? Пригласил бы, что ли, куда. Посидели бы... А то что? Ты думаешь, форму нацепил, и все можно, что ли?

— А что, по-твоему, я не могу девушку обнять? Я тут не намерен с тобой цацкаться. Я вон вчера троих убийц посадил.

Началов со своей спутницей прошли мимо троллейбусной остановки. Под козырьком стояли двое. Парень

беззастенчиво лапал девушку, а та не только не сопротивлялась, но, напротив, поощряла своего кавалера довольными стонами. Люда бросила на парочку мимолетный взгляд и безразлично отвернулась. Выражение ее лица при этом нисколько не изменилось.

— Задолбал ты уже своими уголовниками. Угостил бы шампанским там...

Она приостановилась, наклонилась вниз и расправила сборившие на коленках ярко-бирюзовые лосины. Футболка, подхваченная на талии тоненьким пояском, приподнялась, обнажая стройные бедра. Началов похотливо следил за ее движениями.

— Ладно, пошли, — согласился он.

Молодые люди повернули за угол и спустились по узкой улочке вниз к скверу.

— Здесь есть кафе.

Началов вновь положил руку на талию Людмилы, но уже более настойчиво.

— Это что, та рюмочная за углом и есть твое кафе? «Посошок», что ли? — девушка презрительно скривилась.

— Ну, не хочешь, как хочешь. А я тебя хотел вином угостить. — Андрей немного отстранился, но руку с талии не убрал. — Ты знаешь что, Люда! Я ведь честным трудом зарабатываю. Где я тебя по ресторанам водить буду?

— Хорошо, хорошо. Что ты завелся-то? Я же не говорю, чтобы ты меня «Советским» шампанским угощал.

Они приблизились к рюмочной. Началов пихнул дверь. Стальная пружина, удерживающая дверь в закрытом состоянии, была довольно тугая, и створка едва не ударила его по лбу. Андрей ловко увернулся.

— Вот черт! — выругался он и вошел в помещение.

Девушка последовала за ним. В кафетерии всюду работали вентиляторы, гоняя из угла в угол прокурен-

ный и пропитанный алкогольными испарениями воздух.

— Занимай любой столик.

Люда прошла к одной из круглых стоек на высокой ноге в центре помещения. В зале, помимо нее и Началова, было пять-шесть посетителей. Преимущественно завсегдатаи закусочной. Мужики откровенно косились в ее сторону, но Люда не обращала на них никакого внимания. Через две минуты к ней вернулся Началов с двумя бокалами вина и блюдцем с дольками мелко нарезанного яблока.

— Это что, «Анапа»? — спросила девушка.

— Вино это. Хорошее. Пей, не рассуждай.

— А у тебя денег вообще, что ли, нет?

Началов раздраженно стукнул по столику кулаком:

— Знаешь что?! Ты... Тебе известно, что проституция у нас запрещена законом?

— Ты что, Андрей, ты за кого меня принимаешь?

— За кого, за кого! Как ведешь себя, за ту и принимаю. Ты пить будешь?

— Ну, ладно, — Люда взяла бокал.

Началов поманил ее жестом:

— Встань ближе.

Она подчинилась.

— Только пей все сразу, — произнес он и тут же предложил гост: — За удачное задержание шайки!

— Дурачок, — парировала Людмила.

Андрей дождался, когда она выпьет вино, и осушил до дна свой бокал.

— Людочка, поехали ко мне?

— А деньги у тебя есть?

Началов замахнулся и с оттяжкой ударил девушку по лицу раскрытой ладонью. Она вскрикнула.

— Еще раз про деньги спросишь... Дешевка!

УДО

— И это женский день! Нет, нормально, а? У меня уже яйца пухнут без бабы. Слышь, Леня?

Кулагин даже не повернул головы в сторону Шумского. Лениво потягивая замусоленный окурок «Беломора», он не отрывал взгляда от сторожевой вышки. В том, как вертухай монотонно расхаживал из одной стороны в другую, Леонид находил что-то завораживающее. И наконец, определил для себя, что именно. Прозрение пришло неожиданно, но определение, сформулированное самим Кулагиным, было абсолютно точным. Порядок! Организованность! Вот что было главным. Вертухай двигался взад-вперед не хаотично, как ему вздумается, а четко соблюдая полученные инструкции. Даже в такой, казалось бы, мелочи. Жизнь по заведенному уставу. Вот чего не хватало там, на воле... Вот чего в свое время не хватило для того, чтобы убийцы его родителей предстали перед лицом закона... Кулагин встряхнул головой и уже не в первый раз за свою жизнь попытался воссоздать в памяти образ отца и матери. Но из этого ничего не вышло.

— Ты оглох, что ли? — Шумский дернул приятеля за рукав.

— Что? — Кулагин обернулся.

— Я говорю, тоска совсем без баб.

— И какие у тебя предложения, Нес?

Они провели в Уральской колонии уже три года. Леонид и сам уже замечал, какой существенный отпечаток наложила на него эта «трешка». Черты лица Кулагина заметно заострились, подбородок стал массивнее, в глазах появился не присущий ему ранее холодный блеск. И душа... Кулагин знал, что с каждым проведенным здесь лишним днем и даже часом его душа неумолимо

ожесточается. С ней происходила вполне присущая нынешнему образу жизни метаморфоза. То же самое Леонид отмечал и за Артемом. Но не за Нестором. Странно, но Шумский вроде бы, несмотря ни на что, оставался прежним. Как ему это удавалось и хорошо это или плохо, Кулагин понять не мог.

Он бросил окурочек себе под ноги и раздавил его носком ботинка.

— Ну, не знаю, — Шумский поморщился. — Давай замастырим че-нибудь по этому вопросу. У тебя же котелок ништяк варит, братан. Типа, свяжемся с волей, попросим подгон нам сделать... Или еще что... Восьмое марта все-таки. Это ж раз в год бывает, Леня. Перетри с Камсой.

— Хорошо. Перетру.

— Когда? — не унимался Шумский. — Надо сегодня, Леня. Восьмое марта-то сегодня. Говорю тебе, у меня яйца...

— Я уже слышал про яйца, — оборвал приятеля Кулагин. — Угомонись. Сказал — перетру, значит, перетру. Сегодня и перетру. Годится?

Из-за барака бесшумно вынырнул Горшаков и, по выработавшейся у него за последние три года привычке мягко переступить с ноги на ногу, приблизился к товарищам. Кулагин невольно отметил, что Артем уже под кайфом. То ли начирился с кем-то, то ли успел передернуть косячок, упав на «хвост» к пацанам из седьмого барака. В последнее время такое с Горшаковым случалось все чаще.

— Ну? — с нотками нетерпения в голосе поинтересовался Кулагин, когда Артем подошел вплотную. — Как успехи? Пробил? Или ты занимался только тем, как бы тебе кайфануть на халяву?

— Кончай, Леня, — Горшаков скривился так, словно он только что проглотил без сахара целый лимон. — Твои дешевые нападки уже притомили, честно говоря.

Хотя, должен сказать, у Валета сегодня отменный кумар. Ему грев прислали вчера вечером. Забойная штучка. Натурально. Хотите попробовать? Я договорюсь...

— Можно. — Шумский согласно покачал головой, но Кулагин метнул в его сторону настолько уничижительный взгляд, что желание кайфануть у Нестора как-то само собой улетучилось. Его все еще грела мысль, что Леонид сумеет договориться с Камсой о переправке баб в зону из соседней деревеньки.

— Давай по делу, Темыч, — обратился Кулагин к Горшакову.

— По делу так по делу. — Артем покосился по сторонам, как заправский шпион. — Короче, Линч говорит, что добиться УДО не так уж и сложно. Ему самому, как он сказал, до фонаря. В зоне, говорит, вольготнее. А вот несколько его реальных корешей такую тему уже пробивали. И успешно. Надо только качественно подмазать Иштанского... Для начала...

— Зама по воспитательной? — недоверчиво переспросил Кулагин.

— Так говорит Линч. Я-то, сам понимаешь, за его слова не ответчик. Ты просил узнать, я узнал. У Иштанского вроде как связи, — Горшаков поднял вверх указательный палец. — Если с ним добазариться, он цинкнет, че и как дальше делать. Только я одного не пойму, Леня. Откуда у нас лавэ на такое дело? Надо ведь немало, и потом...

— Это моя головная боль, — взмахом руки Кулагин остановил словесный поток товарища. — Я уже наладил хороший канал связи слевой и с Ромкой. Они добудут деньги. Столько, сколько нужно. Но... — он многозначительно помолчал.

— Что «но»? — вклинился Шумский.

— Капусту придется отработать. Со временем.

— У Левинсона, что ли?

— Не у Левинсона, — Кулагин вновь бросил пристальный взгляд в сторону сторожевой вышки. — Отку-

да у самого Левинсона бабки? Они с Ромой возьмут у людей под процент. А мы потом вернем.

— Как?

— Кверху каком. Крутиться придется, Темыч.

— Надеюсь, не жопой?

— Да кому твоя жопа нужна, — Кулагин заметно отмяк и беззлобно рассмеялся. Шумский охотно поддержал его. — Тоже нашел национальную ценность. В нынешние времена головой работают, Артем. Головой! Понимаешь? И скажу тебе откровенно, у меня уже наметились кое-какие соображения на этот счет.

Горшаков и Шумский переглянулись. Последний недоуменно пожал плечами. Дескать, я не в курсе, о чем речь. Видя, что Кулагин не собирается продолжать наметившийся было разговор, Артем осторожно откашлялся.

— А с нами не поделишься, Ленья? — спросил он. — Не намекнешь, что это за соображения? Мы же вроде как кореша... Или нет?

Кулагин нахмурился и машинально потянулся в карман робы за папиросами.

— Нам нужна коалиция, — изрек он.

— Чего нам нужно? — Шумский недоуменно заморгал.

Леонид пристально посмотрел на него, затем перевел взгляд на Горшакова, пару минут молча мусолил неприкуренную папиросу, а затем решительно произнес:

— Ладно, пошли в барак. Я вам обоим подробно изложу свою мысль.

1990 год. Коломенская

БРАТ И СЕСТРА

— Чего ты молчишь, Лиза? — Началов уже полчаса говорил с сестрой, и ее равнодушный отсутствующий вид не только раздражал его, но и буквально приводил в

бешенство. Он поднялся со стула и, налив в чайник воды, поставил его на огонь. — Не понимаю! Молодая, красивая, здоровая девка... И одна! Чего ты ждешь? Чего хочешь? Хочешь до седых волос одна просидеть? Чего молчишь, Лиза?

— А что я должна сказать? — спокойно проговорила девушка и, усмехнувшись, добавила: — И вообще, разве я что-нибудь кому-нибудь должна?

— Должна, твою мать! Детей рожать должна! — закричал Началов, но, встретившись со спокойным и очень жестким взглядом сестры, тут же осекся.

Присев на корточки рядом с табуретом, на котором сидела Лиза, он, глядя ей в глаза и собрав всю нежность, на какую только был способен, сказал:

— Пойми, Лизонька, я же о тебе беспокоюсь. Ведь все твои подруги уже замуж повыходили. Тебе уже девятнадцать. Ну, чего ты ждешь? Ты посмотри вокруг! Пока рядом с тобой люди нормальные, надежные... А ведь годик, другой, и все! Ты что думаешь? Нормальные мужики холостыми долго не ходят...

— А ты?

— Дура! — Началов заскрипел зубами.

Сдерживая желание ударить Лизу, он поднялся, подошел к окну, открыл форточку и какое-то время молча стоял, жадно вдыхая воздух. Услышав, что Лиза поднялась с табурета, Началов, не поворачиваясь, крикнул:

— Сидеть! — Затем, повернувшись и убедившись, что Лиза исполнила его приказание, он спокойно продолжил: — Я еще не закончил. Слишком много ты себе позволять стала, сестренка.

— Чайник кипит, я хотела газ отключить, — произнесла Лиза, спокойно глядя брату в глаза.

Началов подошел к плите и отключил газ. Затем он взял табурет, который стоял в углу кухни, и, поставив его в дверном проеме, сел, закинув ногу на ногу. Молча

улыбаясь, он наблюдал за Лизой, которая начала чувствовать себя неудобно.

До этого момента она была гостьей в доме брата, который пригласил ее для серьезного разговора. Лиза могла прекратить беседу, когда ей вздумается, и уйти. Но теперь, когда Андрей преградил ей дорогу, она оказалась в глупом положении заложницы.

— Мне надо идти... — неуверенно проговорила девушка.

— Никуда ты не пойдешь. Я все дела отложил, чтобы наконец-то решить твою проблему. Поэтому, что бы ни случилось, я ее решу.

— Да нет никакой проблемы, Андрей! О чем ты говоришь? — От былой Лизиной уверенности не осталось и следа. Она чувствовала себя маленьким ребенком, которого поставили в угол и забыли объяснить причину наказания. — Мне правда нужно идти. Давай потом...

— Нет, сейчас! Проблемы не будет, когда ты замуж выйдешь и...

— Тоже мне проблема! Да выйду, выйду я замуж, — прервала Лиза брата.

Ее раздражала эта глупая беседа. Она готова была сказать все что угодно, лишь бы побыстрее все это прекратить и уйти.

— За кого я скажу, — подытожил Началов.

— Что? — Лиза расхохоталась и, поднявшись с табурета, раздраженно продолжила: — Ну все, хватит! Это уже дикость какая-то!

— Нет, Лизонька, это не дикость. — Началов тоже поднялся. Положив руки на плечи Лизы, он усадил ее на табурет и, нависнув над ней, зло зашептал: — Дикость, Лизонька, это когда такая девочка, как ты, сраному ээку три года верность хранит!.. Ты что, думаешь, я ничего не понимаю? Думаешь, не знаю ничего? — Увидев, что глаза сестры наполнились слезами, он, не меняя позы, равнодушно продолжил: — Я много чего

знаю. Например, что Кулагин еще очень долго из тюрьмы не выйдет!

— Не надо, — прошептала Лиза, и слезы хлынули у нее из глаз.

Довольный достигнутым результатом, Началов провел ладонью по волосам Лизы и, отойдя от нее, стал медленно расхаживать по кухне с видом человека, которому весь этот разговор крайне неприятен.

— Не хотел я тебе всего этого говорить, Лиза, но ты меня вынуждаешь. Срок у него очень большой, а в этом случае из наших тюрем лучше уж вообще не выходить...

— Умоляю, перестань!

— Прости меня, но при таких сроках близкие заключенным скорой смерти желают, — словно и не услышав просьбы сестры, со вздохом продолжил Началов. — Ну, то, что он, если, конечно, доживет, выйдет дряхлым, больным, — это и младенцу понятно. Туберкулез, язва желудка, больные почки, печень воспринимаются в тюрьме как легкая простуда. Все это, Лизонька, еще полбеды... Ты уже взрослая девочка и должна понимать, что в тюрьме женщин нет. Законы там жестоки, и роль женщин там приходится исполнять молодым ребятам, таким, как Кулагин...

— Прекрати! Не надо! Замолчи!

У Лизы началась истерика. Она в голос рыдала, закрывая ладонями уши, чтобы не слышать гадости, которые говорил брат.

— Я должен был это тебе сказать. Я знаю, что тебе сейчас ужасно плохо. Но, я думаю, ты должна знать правду о положении вещей. Я желаю тебе только добра, Лиза! Я очень люблю тебя, сестренка.

Началов подошел к девушке и, присев рядом на корточки, крепко обнял ее. Из всего сказанного им правдивыми были лишь две последние фразы.

1992 год. Новоречинск

ВОЗДУХ СВОБОДЫ

— Ну, за вас, пацаны! — Вершинский отсалютовал граненым стаканом. — С возвращеньцем!

Вопросы типа «как там было?» и «туговато ли?» не поднимались. Все было открытым текстом написано на лицах Кулагина, Горшакова и Шумского. Друзья откровенно наслаждались воздухом свободы, которого они были лишены целых пять лет.

На вокзале их встретил Левинсон и на новенькой «пятерке», купленной всего неделю назад, доставил в ресторан «Колода», где уже организацией предстоящего банкета на шестерых занимались Вершинский и Лебедев. На протяжении всего времени, пока длился срок заключения, друзья с воли поддерживали с сидельцами тесные отношения. Каждый из них троих как минимум два-три раза в год навещался в колонию. Иногда вместе, иногда поодиночке...

— Черт! Поверить не могу, что я снова в родном Новоречинске! — восторженно восклицал Шумский. Хмель уже заметно ударил Нестору в голову. — Я думал, этот день никогда не наступит. Даже несмотря на условно-досрочное...

— Да, кстати, — Кулагин склонился к Левинсону. — Много мы должны?

— Давай не сегодня, Леня, — отмахнулся тот. — Вот ты, в натуре, начинаешь загоняться. Такой день! Пей, гуляй, расслабляйся!..

— Ну а все-таки? — гнул свою линию Кулагин. — Намекни хотя бы.

Левинсон знал, что просто так от приятеля не отвяжешься. Если он не ответит, праздник будет безнадежно испорчен. Кулагин станет сидеть с постным выраже-

нием лица и теряться в догадках, чем обосновано молчание Левинсона.

— Расклад козырный, Леня. Нам скинули деньги под хилые проценты. Мы, даже не напрягаясь, сумеем обернуть все через год. А если тему замутим, то и подавно...

— Тема у меня уже есть, — серьезно произнес Кулагин.

— О, нет-нет! — Левинсон шуточно закрылся двумя руками, словно собеседник собирался его ударить. — Уволь меня! Я не хочу говорить сегодня о делах. Ты спросил, я ответил, и на этом все. Если тебе так не терпится, можешь пойти вон Толяну по ушам проехаться. У него, насколько я слышал, тоже какие-то идеи зреют. Но я вам пока не соратник. Завтра — пожалуйста, а сегодня... Все обсуждения без меня. Ты лучше глянь, какие цыпочки нарисовались на горизонте.

Без особой охоты Кулагин повернул голову в ту сторону, куда указывал приятель. На пороге ресторана действительно возникли две молоденькие особы в коротких юбках и с откровенно декольтированными вырезами на блузках. По виду ни одной из них никак не могло быть больше девятнадцати лет, но даже Кулагин вынужден был признать, что выглядели девочки аппетитно. Левинсон заметил блеск у него в глазах.

— Берем? — он слегка стукнул Леонида в плечо. — Я ж понимаю, какой ты голодный до этой темы. Выбери, которая твоя. Но я бы, конечно, предпочел брюнетку с челкой. Или хочешь ее?

— Нет, не хочу, — Кулагин отвернулся.

— Другую?

— И другую не хочу.

Левинсон изогнул левую бровь;

— Ах, вот оно что! Занятно. Не, я слышал, что иногда зона меняет ориентацию, только мне казалось, к тебе это не может иметь отношения. Но, видимо...

— Че ты несешь? — разозлился Кулагин. — За одни

такие намеки уже можно схлопотать по шее. Понял? Я — не педик! С этим у меня все в порядке. Просто... — он уронил голову на грудь, — я очень соскучился по одной особе. Это странно, но я соскучился, Лева.

— Что это за особа?

— Лиза. Лиза Началова.

— Да ну? — не поверил Левинсон. — Ты серьезно, брат? Ты же вроде как ее сам отшил...

— Отшил. Но...

— О чем базар, пацаны? — Лебедев подошел сзади и, обняв Кулагина с Левинсоном за плечи, вклинился между ними. — Я что-то не наблюдаю бурного веселья. Ты по стволам не соскучился, Леня?

— В смысле? — не понял Кулагин.

— В прямом. Темыча я уже уговорил. Нес, правда, артачится, но ты же его знаешь. Он как все. Так что решение за тобой.

— Я не врублюсь, о чем ты толкуешь.

Кулагин обвел взглядом столик. Шумскому понадобилось совсем немного спиртного, чтобы начать клевать носом. Он практически полулежал на столе, бессмысленно ковыряя вилкой в салате. При этом губы Несы продолжали беззвучно шевелиться, словно он продолжал что-то кому-то рассказывать. Левинсон засмеялся.

Горшаков пил мало, зато Кулагин видел, как Артем частенько покидал стол и наведывался в туалет. Лебедев привез другу по его же просьбе целый пакет шмали. К настоящему моменту глаза у Горшакова застекленели, но это не мешало ему о чем-то негромко разговаривать с Вершинским. Анатолий отчаянно жестикулировал и время от времени бил Горшакова раскрытой ладонью в плечо.

— Пострелять не хочешь? — пояснил свою мысль Лебедев. — У нас козырные стволы. Лева не даст соврать. Прикупили по случаю штук десять. Сейчас с этим